

Анатолий Приставкин, писатель, председатель Комиссии по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Наверное, с самой консервативной, классической традицией 19-го века. Эта традиция многогранна и многослойна, как пирог. Но для себя я выбираю прежде всего лирику. Если это Пушкин, то «Повести Белкина», если Чехов, то его ранние рассказы, Бунина люблю всего. А у Толстого – скорее его исповедальную прозу, его воспоминания о детстве, чем «Войну и мир».

- Чем дорога вам эта эпоха, ведь нас разделяет с ней уже целый век?

Я не считаю, что это далекая эпоха. Она почти моя. Потому что между моим рождением и смертью Льва Толстого прошло всего лишь 20 лет. Я даже общался с его секретарем Николаем Николаевичем Гусевым. Таким образом перекидывался мост в прошлое, и какие-то зерна золотого века так или иначе в нас прорастали. Так что этот век мне гораздо ближе, чем другие времена. Для меня русская классика начинается с Пушкина, которого я не только люблю перечитывать, но и многое знаю наизусть. Чтобы понять самое великое стихотворение о любви, я специально изучал жизнь Анны Керн, пытался в свое время найти ее могилу, которая была потеряна. Я ездил в Пушкинские горы, чтобы увидеть аллею, где поэт гулял в ночь перед созданием этого стихотворения. Пушкин постепенно входил в меня отдельными великими своими работами. Мне как человеку, тяготеющему к истории, интересны и «Капитанская дочка», и «История Пугачевского бунта», и черновики, которые были опубликованы позже. Для меня это зона познания русской действительности через Пушкина. Когда мне пришлось изучать Кавказ, то помогало и «Путешествие в Арзрум», и воспоминания Пушкина о Ермолове. Само прикосновение к его творчеству в разное время давало мне мощную подпитку. Точно так же важны и Толстой, и Бунин, и Чехов, от которого я далеко не ухожу и даже играл в свое время в его пьесах в любительском театре. А сейчас люблю читать его письма. Я уже в таком возрасте, когда больше всего хочется читать мемуары и письма. Это дает возможность наверстать то, что в свое время не зафиксировалось и осталось для серьезной душевной работы.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Как уже было сказано, главной эпохой я считаю 19-й век, эпоху русской классики.

- *Считаете ли вы эту эпоху наиболее гармоничной в истории русской культуры?*
Это время, которое мы рассматриваем, уже почти не замечая его сложностей и противоречий, глядится издалека как некая прекрасная планета. Она уже над нами, она светит. Этот век был действительно гармоничным, и прежде всего восхищаешься обилием выдающихся личностей, которые появились в одно время и в одном месте. Это было истинным рождением русской словесности, и эта эпоха еще долго будет питать российскую культуру. Сколько времени, не могу сказать, но во всяком случае весь 20-й век она питала. Все, что было создано в то время, может быть важнее для нас, чем для тех, кто жил в 19-м веке. Человек, находясь внутри художественного процесса, мало осознает, что происходит на самом деле. Для него это слишком близко. Конечно, свидетели жизни Толстого хорошо понимали всю его значимость. Каждое слово, каждый кивок его зафиксированы. Но по-настоящему только мы, жители 20-го века, осознали всю глобальность и всю мощь этого времени.

- *Могли бы вы себя представить живущим в 19-м веке?*

Хороший вопрос. В свое время на него ответил Булат Окуджава, и я понимаю, что он имел в виду. А он говорил, что хотел бы быть помещиком в 19-м веке и жить в усадьбе. Неслучайно он совершенно блистательно стилизовал этот век в своих романах и повестях. Как говорил Бродский, стиль и язык – это главное у любой нации. Так вот, стиль этой эпохи удивительно красивый, уважительный. Это был век глубокого почтения друг к другу. Неслучайно даже Достоевский мечтал всю жизнь о своей усадьбе. В дневниках есть высказывания о том, что частная собственность на землю несет человеку независимость.

- *Может быть, поэтому и родилась такая мощная культура, ведь создатели ее были свободны, жили в усадьбах, владели землей?*

У всех были разные условия. Достоевский испытывал очень сильную зависимость от издателей, редакторов, а Некрасов проигрывал в карты даже души дворовых. Нет прямой зависимости между свободой духа и материальной свободой. Бунин не был хорошо обеспеченным человеком, когда жил в Грассе и писал свои вещи. Солженицын, если не считать американского периода, никогда не был обеспечен, но свободой духа обладал всегда. Свои лучшие вещи он создал в тоталитарной стране, и были времена, когда он жил на 1 рубль 70 копеек в сутки. Хватало на хлеб и молоко, и это не мешало ему писать. Я часто задаю своим студентам вопрос: если человек живет вне времени и пространства, для кого он пишет свой роман? А пишет он для себя, потому что не может не писать. Свобода, о которой мечтает Мастер у Булгакова и о которой, вероятно, мечтал сам Булгаков, – это идеальная ситуация. А реальность иная, и ее все время надо преодолевать. Я это очень сильно ощущаю как человек зависимый, как чиновник, работающий в государственной системе. Для меня образцом остается Щедрин, который служил губернатором, а в свободное время писал. Кстати, писателей

служащих было больше, чем свободных от службы. И мне, так же как и им, приходится отстаивать свою внутреннюю свободу.

3. Как сказалось на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Дело в том, что крушение старой политической системы совпало с революцией в сфере электронных средств. Из-за этого сильно поколебалась сама структура познания и проникновения в искусство. Недавно я делал доклад на конгрессе, посвященном сохранению навыков чтения, и приводил несколько неутешительных примеров. Ребенок, сын писателя, поступая в первый класс, знает все теле- и компьютерные игры, но не прочитал еще ни одной книги. Тотальная власть телевидения и компьютеризация нашей жизни, которая, конечно, снижает уровень культуры, совпала с крушением тоталитаризма в стране, и неизвестно еще с чем связан самый сильный удар. Что способствует, а что мешает творческому процессу? Например, драматург Виктор Розов считает, что пресс власти активизирует творческий процесс, что давление этой махины дает возможность стать пружиной и противостоять. А композитор Альфред Шнитке говорил, что пресс хорош до тех пор, пока не становится могильной плитой. Конечно, давление тоталитаризма было могильной плитой, и таланты пробивались вопреки, а не благодаря этому.

- В эпоху советской власти, как известно, все мечтали о свободе. Почему желанная свобода не способствует подъему культуры?

Мы получили много информации, но искусство работает опосредованно. Мне часто задавали вопрос: «Почему ваша "Тучка" не остановила войну в Чечне?». Произведение искусства не может воздействовать непосредственно на жизнь. Это не автомат Калашникова и даже не публицистика Ильи Эренбурга, которая в свое время воздействовала как призыв: «Убей немца!». Сейчас на нас обрушилась большая информация, и она должна быть переработана душой. А готовы ли мы к восприятию всего этого? Неизвестно. Когда после войны нам стали показывать голливудские трофейные фильмы, мы получили целый новый киномир. Повлияло ли это на наши души? Что-то в нас осталось, а что-то потом выплеснулось в произведения отечественного искусства. Но не может ни одна нация, получив внутреннее освобождение, сразу взлететь. Нужно время, чтобы осознать, переработать внутри себя то, что мы получили. Образовался некий котел, и мы не знаем еще, что в этом котле варится. Наверное, идет мощная варка. Я могу судить о каких-то процессах, общаясь со студентами Литературного института. С одной стороны я, наверное, для них мостик к советской и мировой классике. С другой стороны, я не могу до конца понять их мир. Они интересно мыслят, но иначе, чем я. Даже мир электроники они уже переработали в искусство. Одна

моя студентка написала рассказ про «компьютерную» девушку, которая с утра до вечера сидит в Интернете и без конца дает объявления о том, что ищет жениха. Необходимость иногда ходить за хлебом или на почту, чтобы оплатить интернет, она воспринимает как досадную помеху в жизни. Так что новые формы жизни рождают и новые формы искусства, но никто не может предвидеть, как все это отыграется через 10-15 лет.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Вопрос скорее провокационный, чем серьезный. Мало ли кто приходит к власти. Это не имеет никакого отношения к культуре и искусству.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Не совсем понятно в этой ситуации слово «опека», но если речь идет о поддержке, о дотациях, то прежде всего в этом нуждается сейчас детская литература, которая дохода не приносит. А также классика, безусловно, нуждается в дотациях государства. Все, что невыгодно поддерживать коммерческим структурам, должно поддерживаться государством, которое очень мало занимается культурной политикой. Библиотеки умирают, музеи неизвестно на чем держатся. Недавно я был в Лермонтовском музее в Тарханах. Там сотрудники работают, не получая зарплаты, и сохраняют для нас наследие Лермонтова. Россия по инерции живет, пока остаются люди, которые готовы работать ради идеи и тем самым сохранять нашу культуру. В результате мы понесем невероятный урон. Нельзя так долго жить на одном энтузиазме. На сегодняшний день о культуре никто, в том числе и государство, не думает. Она воспринимается как довесок ко всем остальным проблемам. Находясь среди чиновников среднего и высокого уровня, я не вижу, чтобы кого-то это беспокоило.

- Что, на ваш взгляд, может изменить ситуацию?

Ситуация изменится, когда мы станем чуть богаче и чуть лучше.

Общество деградировало, оно сильно расслоилось, и многие люди искусства оставили свою профессию и ушли в бизнес. Сейчас даже мои студенты, которые очень серьезно занимаются литературой, знают по несколько языков, не могут найти себе применения. Идет отток талантливых людей из культуры. Я думаю, что откорректирует эту ситуацию только экономический подъем в стране. Тогда, может быть, моральные критерии начнут прорастать. Наше общество в моральном плане так низко никогда не падало, как это произошло сейчас.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Я не уверен, что этот вопрос всерьез занимает сейчас людей культуры и искусства. Смысл этих понятий вообще размыт. Что такое народность? Это не имеет ничего общего с массовым искусством, которое на самом деле является антинародным. Слово «народность» скорее относится к фольклору и традиционному искусству. У нас это уже неактуально, в отличие, например, от Германии, где на телевидении есть целый канал, посвященный народному искусству разных областей страны. Чудесная программа, которая очень популярна. То есть этой темой занимаются очень серьезно. У нас на телеэкране давно этого нет. У нас предпочитают показывать боевики и гангстерские фильмы, а вместо народного искусства – худший вариант массового, который просто коверкает душу. А что касается элитарности, то, наверное, речь тут может идти о том, что достойно узнавания, изучения, если под элитарностью понимать высшее искусство. Но это не означает, что оно существует для избранных. Другое дело, что до одного дойдет смысл сказанного, а до другого – никогда. Читателям Марининой вряд ли потребуется элитарное искусство, и это нормальная ситуация.

- Не оказалось ли это высшее искусство изгоем, поэтому его и некому поддерживать?

Так было всегда. Высоким искусством во все времена занимались немногие, те, кому было дано что-то осуществить. Знаете, чем звезды отличаются от планет? Планеты не мигают, но их немного и они гораздо ярче. Их на небосклоне легко разглядеть. Так и в искусстве: немногие создают значительные вещи, и это никак не зависит от наличия или отсутствия какой-то поддержки.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Наверное, да. Мой поворот в 91-м году к работе в комиссии по помилованию я могу назвать служением, но уже не литературе, а чему-то другому. Внутри каждого человека есть общественный заряд. Я это смог как-то воплотить. Десять лет я пытаюсь помогать заключенным, добиваясь помилования. И до сих пор не оставляю этой работы, хотя уже по возрасту, наверное, пора отказаться от подобной деятельности. Это мое общественное служение. Оно и помогает, и мешает творчеству. Между тем, я узнал о такой стороне жизни, которая для меня была неведома, хотя в детстве я сам прошел колонию. Но колония постсоветского времени была для меня потрясением. Я написал три тома об этом, полторы тысячи страниц. Я попытался и таким образом выполнить свой долг. Однажды в *Литературной газете* я вычитал такую фразу: «Писатель воплощает свои нравственные принципы в своих произведениях, а в жизни он может быть другим и вести себя как хочет». У меня противоположный взгляд. Я считаю, что человек

должен быть един в том, что он пишет, и в том, что он делает. В этом смысле для меня лучшим примером был Булат Окуджава, человек на редкость цельный.

- Ваша работа в комиссии по помилованию как-то изменила ваше творчество?
Не только творчество, но и миропонимание.

- Можно сказать, что вы стали другим?

Да, мне кажется, я стал другим. Немножко хуже: к жестокости привыкаешь и грубеешь. Для меня было открытием то, что наш народ так жесток. Он очень деградировал и спился. Люди стали равнодушны к таким вечным понятиям, как жизнь и смерть. Все это повлияло на меня не самым лучшим образом – и на то, что я делаю, и на то, что я пишу.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Как сказал Александр Исаевич Солженицын при вручении ему Нобелевской премии, наша культура – это драгоценный камень в короне, где каждая культура представлена каким-то своим драгоценным камнем. И эта корона принадлежит всему человечеству. В таком смысле процесс глобализации, наверное, способствует преодолению культурных барьеров между странами. Что плохого в том, что в последнее время мы получили доступ к шедеврам мировой литературы и то, что не переводилось и не попадало к нам, теперь стало частью нашей жизни? Теперь продается на каждом шагу то, что я раньше с завистью высматривал где-то за рубежом и боялся привезти в Россию. И это, несомненно, обогащает нашу культуру. Другое дело, что информационный поток принес нам одновременно и мыльные оперы, и низкого уровня поп-музыку. Однако, если массовый читатель и массовый слушатель счастлив получать все это, так же как он счастлив от чтения произведений Марининой или просмотра мексиканских сериалов, то людей истинной культуры это не касается.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

Знаете, у нас был писатель, о котором говорили: «Он знает все, и все не точно». Отвечая на этот вопрос, я боюсь сработать, как тот писатель. Что я мог бы сказать по этому поводу? С одной стороны, церковь донесла до нас мощные духовные ценности через все препятствия, которые возникали на ее пути, и это в определенном смысле спасало нацию. Сейчас, например, когда идет разговор о том, что делать с беспризорниками, я уверен, что эти приюты надо отдать церк-

ви. Потому что именно церковь несет традиции милосердия. Но причем тут государство? Это скорее слияние церкви и верующих. Государство сейчас, по счастью, не мешает этому процессу и только. С другой стороны, мне претит нынешнее новое богатство церковных деятелей. Как-то я попал на одно крупное мероприятие главы нашей церкви. Таких восхвалений, пожалуй, не было даже при Сталине. К тому же все в золоте, все невероятно жирное, богатое, денежное. Это напоминает времена, когда священники вступили в конфликт с такими людьми, как Лев Толстой, который не мог пережить и этого богатства, и отступлений от библейских начал. Это все меня смущает. В данном случае не столько государство идет навстречу церкви, сколько церковь старается прилепиться к государству и быть с ним в одном союзе, в одном блоке. Я не зову церковь к сопротивлению или к тому, чтобы она шла вразрез, но она всегда несла нечто другое, «не-государственное». Неслучайно, когда церковь была огосударствлена перед революцией, она понесла урон. Народ ее быстро предал. Во всяком случае, часть народа. В священниках видели класс тех же богатых, и этот класс ненавидели.

- Может быть, лучше, когда церковь все-таки остается в оппозиции?

Я не за оппозицию. У церкви другая роль. Церковь не должна сливаться с государством, она должна выполнять роль духовного наставника, что недоступно государству. Духовное начало несут только искусство и церковь. В лучшие времена это слияние давало прекрасные результаты. На этом выросло все средневековое искусство. Церковь никогда не вредила искусству. Искусство и церковь никогда не порывали друг с другом и сейчас друг другу нужны.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Временные границы скорее влияют на психику людей: хочется видеть в цифрах определенные знаки. Я сам иногда цифрами балуюсь. Кажется, наступил новый этап. Торжественно отметили конец тысячелетия. Но на самом деле это игра ума. Как говорила Ахматова, кто нас избавит от времени, которое мы не можем преодолеть? Время – это поток, который непонятен человеку, поэтому, пытаясь привести в порядок собственные мысли и деяния, он начинает делить время на какие-то смысловые периоды. А на самом деле не время проходит, а мы проходим. Время, на мой взгляд, очень относительная вещь. Я не вижу, что на рубеже тысячелетий что-то закончилось, а что-то началось. Наверное, об этом можно говорить только в политическом смысле. Закончилась эпоха советской власти, эпоха тоталитаризма, большевизма. Наверное, это ушло навсегда, а вместе с этим ушла эпоха соцреализма, которая породила столько фальшивой литературы

и фальшивого искусства. Уже на 20-й век смотрят как на что-то законченное, оформленное эпохой революции и большевизма. Это не имеет прямого отношения к настоящему, серьезному потоку искусства. Это просто общественно-политический этап.

- Можно ли по работам ваших студентов как-то судить о новых тенденциях в искусстве, в культуре?

Конечно, у моих студентов есть новые темы, они лучше владеют формой. Они сейчас очень увлечены идеями постмодернизма. Можно ли это считать тенденцией? Французы, например, уже объелись постмодернизмом и начинают давать премии классическим произведениям. Высшую премию недавно получил роман «Пастушки и пастухи», сказка о любви, написанная почти в духе соцреализма. Пока трудно разглядеть картину будущего. Я могу говорить только о себе и своих ровесниках. Мы остались в 20-м веке, мы его доживаем. Наш век ушел с уходом Булата Окуджавы, и наше поколение уходит вслед за ним.